

**КРЕПОСТЬ КОПОРЬЕ И ПОМЕЩИКИ ДЯГИЛЕНСКОГО
ПОГОСТА КОПОРСКОГО УЕЗДА В СМУТНОЕ ВРЕМЯ
(лето 1612 г. - весна 1617 г.)**

Крепость Копорье неоднократно привлекала к себе внимание исследователей. Одним из первых исследовал военно-оборонительные сооружения крепости Копорье В. А. Богусевич накануне Великой Отечественной войны¹. После войны дело В. А. Богусевича продолжили другие исследователи. В. В. Косточкин много внимания уделил воссозданию облика Копорья². О. В. Овсянников в своем историко-архитектурном очерке подробно остановился на состоянии крепости Копорье накануне Смутного времени³. Вместе с А. Н. Кирпичниковым он сумел раскрыть многие неизвестные тайны Копорья. Здесь был исследован древнерусский храм - церковь Преображения⁴.

Основное внимание исследователи уделяли новгородскому периоду истории Копорья. Менее изучены события в районе этой крепости в заключительный период Ливонской войны, когда Копорье было захвачено шведскими войсками Понтуса Делагарди (отца Якоба Делагарди), и во времена очередной русско-шведской войны, когда русские воеводы так и не смогли взять эту крепость. Гарнизон Копорья через несколько дней после заключения перемирия в Нарве 25 февраля 1590 г., выполняя указания штатгальтера Нарвы Карла Генриха Горна, сдал крепость русским воеводам. По-видимому, это произошло в последние дни февраля 1590 г. Гонец из Нарвы мог доставить этот приказ о капитуляции уже на следующий день.

¹ *Богусевич В. А.* Военно-оборонительные сооружения Новгорода, Старой Ладогои, Порхова и Копорья. Новгород, 1941.

² *Косточкин В. В.* К характеристике памятников военного зодчества Московской Руси конца XV - начала XVI в. (Копорье, Орехов, Ям) // МИА. М., 1958. № 77. С. 101-142.

³ *Овсянников О. В.* Копорье. Историко-архитектурный очерк. Л., 1976.

⁴ *Кирпичников А. К., Овсянников О. В.* Крепость Копорье по новым данным архитектурно-археологических исследований // СА. 1979. Т. 3; *Кирпичников А. Н.* Каменные крепости Новгородской земли / Отв. ред. П. А. Раппопорт. Л., 1984. С. 160.

Редко можно найти в современных исследованиях информацию о том, что же происходило в Копорье в Смутное время, при каких обстоятельствах эта крепость была вновь захвачена шведами. Еще меньше сведений мы имеем о жителях Копорья и отдельных погостов Копорского уезда в этот период.

Данная статья призвана восстановить этот пробел, а также продолжить традицию по изучению истории Копорья, начатую еще В. А. Богусевичем в Новгородском историческом сборнике в 1938 г., ведь история Копорья имеет прямое отношение к Новгороду и Новгородской земле. Основное внимание в работе уделено небольшому периоду времени с момента захвата Копорья шведами (июнь 1612 г.) и до заключения Столбовского мира (февраль-март 1617 г.), когда новое московское правительство Михаила Романова вынуждено было смириться с временной утратой этой древней крепости.

Хочется также привлечь внимание широкой общественности к тому плачевному состоянию, в котором находится крепость Копорье в настоящее время.

Сведений о том, что происходило в крепости Копорье, а также и окрестных погостах Копорского уезда после присоединения к шведско-новгородскому альянсу (лето 1612 г.), сохранилось очень мало. Активные боевые действия в этом районе больше не велись. Дальнейшие события Смуты на Северо-Западе мало затронули Копорье. Лишь внезапные рейды небольших отрядов московских ратных людей из Тихвина и Пскова (а с июля 1613 г. и до августа 1614 г. - также из Гдова) нарушали спокойствие этих мест. В ходе одного из таких рейдов были захвачены в плен члены новгородского посольства архимандрита Никандра, возвращавшиеся из Выборга. Это произошло 5 октября 1613 г. недалеко от современной Гатчины, *«в Копорском уезде в деревне Суйде на стану после Покрова в четвертой день»*.

Во время таких партизанских рейдов псковичей и тихвинцев, *«которые здесь бродят и партизанят»*, как писал в одном из донесений королю Густаву Адольфу фельдмаршал Эверт Горн, захватывались в плен многие местные помещики. В последнем случае трудно определить, действительное или мнимое пленение имело место. Помещики не оказывали никакого сопротивления и при любой возможности бежали в московские полки, хотя внешне это могло выглядеть как пленение. В таких случаях репрессий властей к семьям этих помещиков не осуществлялось, женам и детям давали прожиточные поместья.

После присоединения Копорья к шведско-новгородскому альянсу (лето 1612 г.) в крепости был оставлен шведский гарнизон в 100 чело-

⁵ Богусевич В. А. Уничтожение Александром Невским немецко-рыцарского войска в Копорье // НИС. Вып. 3-4.

⁶ См.: Рабинович Я. Н. Первые посольства нового новгородского правительства Деллагарди-Здоевского в Москву и Стокгольм в 1611 г. и судьба их участников // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana (Петербургские славянские и балканские исследования). 2012. № 2 (12). Июль-декабрь. С. 121-128.

век. В начале 1613 г. в Копорье находилась рота финской пехоты под командованием Маттса Ларссона (136 чел.). Юхан Видекинд писал, что в это время воеводой в Копорье был Иоахим Берендт⁷.

Об этом шведском воеводе довольно часто упоминается во многих документах, как Новгородского архива, так и архива Деллагарди в Тарту. В 1884 г. А. Чумиков написал библиографическую заметку об архиве Деллагарди с указанием документов, касающихся отечественной истории⁸. А. Чумиков упоминает о письме «из Канарья Иоахима Берендеса». Только благодаря сходству фамилии этого воеводы «Берендеса» с воеводой Копорья можно понять, что здесь речь идет о крепости Копорье, а не о каких-нибудь Канарских островах.

Если документы Новгородской приказной избы содержат информацию о событиях в Копорье до 1617 г., то документы шведских архивов позволяют, кроме того, выяснить, что происходило в этом городе накануне и после Столбовского мира. Особую роль здесь играют материалы коллекции «Балтийские писцовые книги», которые являются частью Каммар-архива в Государственном архиве Швеции (Kamrnararkivet. Baltiska fogderakenskapet). Как отмечал А. А. Селин, который первым из отечественных ученых ввел в научный оборот документы данной коллекции, дела здесь сгруппированы в тома соответственно городам (Ивангород, Ям, Копорье, отдельно Ямской уезд и др.). В каждом из этих томов дела сгруппированы по характеру документов: мантальные переписи (материалы ежегодного регулярного кадастра) и «квитанции» (повседневная финансовая документация). После 1619 г., когда было завершено межование границы на данном участке и началась более интенсивная интеграция Ивангорода, Яма и Копорья в состав Шведского королевства, делопроизводство из этих городов стало оседать в других фондах. В этой коллекции большинство документов составлено на шведском языке, но сохранились и русскоязычные документы⁹.

Помощником шведского воеводы в Копорье был назначен один из новгородских помещиков. Возможно, этим русским воеводой был князь Никифор Яковлевич (Кудеяров) Мещерский. Через несколько лет сам Никифор Мещерский говорил, что когда он был в Копорье воеводой, то купил у подьячего маленького жеребенка за 7 рублей: «...был де он в Копорье на воеводстве, и он тое лошади купил в Копорье у подьячево жеребятем». Через несколько лет этот жеребенок превратился в гнедого мерина, цена которому стала уже 33 рубля. Именно этого мерина украли у Никифора Мещерского беглецы-холопы из стада в сентябре

⁷ Generalstaben. Sveriges krig 1611-1632. Bd 1. Danska och Ryska krigen. Stockholm, 1936 (далее - SK). S. 591; Видекинд Ю. История десятилетней шведско-московитской войны / Пер. С. А. Аннинского, А. М. Александрова; под ред. В. Л. Янина, А. Л. Хорошкевич. М., 2000. С. 275.

⁸ Чумиков А. Сведения о семейном архиве (XVI-XIX вв.) графов Деллагарди и библиографическая заметка // ЧОИДР. 1884. Кн. 3, отд. 5 (смесь). С. 19-26.

⁹ Селин А. А. Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008. С. 101-102. Благодарю Адриана Александровича Селина за предоставление копий этих документов.

1616 г. Судя по цене лошади и по описанию, этому мерину в момент кражи было 3–4 года, что подтверждает предположение, что князь Никифор Мещерский был воеводой в Копорье именно в 1612–1613 гг., когда купил жеребенка. К сожалению, точный возраст жеребенка в момент его покупки воеводой Копорья Никифором Мещерским и точный возраст украденного мерина в судебном деле не указаны, как не указана дата покупки жеребенка. Тогда бы можно было более точно определить время пребывания Никифора Мещерского воеводой в Копорье.

После взятия Копорья шведами в крепости хоть и находился шведский гарнизон в виде роты финской пехоты, однако пушкарки оставались русские, прежние. Пушкарки находились в привилегированном положении, от них вряд ли можно было ожидать измены, в отличие от стрельцов. Четыре башни крепости были оснащены мощной артиллерией. Их обслуживали 15 пушкарки (для многих малых городов число пушкарки обычно не превышало 5–7 человек). Известны имена старших пушкарки. Это Васька Медведка, Иван Юрханов, Степан Федоров, Митька Варганов (он был самым грамотным, писал расписки за других пушкарки). Эти пушкарки в 1613/1614 г. взяли у воеводы Копорья «Ефима Ивановича Бердеса» (речь идет о воеводе Иоахиме Берендте) на государев королевский обиход, «на мехи и на пыжи и на деревки» большое количество льна и конопля¹¹.

В 1614/1615 г. шведские власти производили в Копорье реконструкцию крепости. В этих работах принял активное участие казенный плотник Гордей Макарьев, который вместе со своими товарищами Семейкой и Пашкой, «как делали в городе всякое королевское дело», взял у воеводы за эту сделанную работу 9 рублей. Эту расписку за казенных плотников писал сын Никольского дьячка с посада Евтишка Петров¹².

В это время вокруг крепости уже был довольно внушительный посад, где стояла церковь Николая Чудотворца. Внутри крепости находилась церковь святого Спаса. В 1617/1618 г. в этой церкви служил дьячок Иванко Ильин, который обычно писал расписки за неграмотных жителей. Из помещиков, которые остались служить в Копорье у шведов после Столбовского мира, упоминаются дети боярские Семен Обрамов, Василий и Григорий Хорышевы. Семен Обрамов получил в августе 1617 г. по указу главнокомандующего Карла Карлссона Гюлленельма продукты (рожь, жито, овес). В это же время получили там же продукты

Судное дело по поводу кражи лошадей из стада у конюха Радея Семенова. 1616, сент. после 17 - октября 11 // Riksarkivet, Stockholm, Ockupationsarkivet fran Novgorod (далее - RA, NOA). Serie 2: 165. Л. 18.

Память копорским пушкарем Васки Медветку, Иванеча Юрханову да Степану Федорову и всем пушкарем пятнадцати человеком: Kvittensen 1612-1618 // Kammararkivet. Baltiska fogderakenskaper. F. 421. Bunt 9.

¹² Память казенному плотнику Гордею Макарьеву // Kammararkivet. Baltiska fogderakenskaper. F. 421. Bunt 9.

помещики Хорышевы, однако им приказал выдать корм Якоб Делагарди¹³.

В Копорье имелся свой государев кабак, известны кабацкие целовальники Михалко Мартемьянов и Обрамко Голдобин. Они брали из государевых королевских житниц у дьяка Игана продукты на вино и на пиво (рожь, солод, овес, хмель)¹⁴.

В 1616 г. воеводой в Копорье упоминается «Ондрей Юлсович», а также копорский дьяк Иган (Юган). «Ондрей Юлсович» - это Андерс Иорансон, о котором упоминал Видекинд, когда сообщал, что весной 1617 г. новый главнокомандующий Карл Гюлленельм вызвал на совещание всех наместников и комендантов крепостей, включая Копорье. После этого совещания в Копорье и в укреплении близ него (трудно сказать, о каком укреплении идет речь) были оставлены роты Якоба Дуальса (Дуаба?) и Томаса Гласенапа, а также 100 рейтаров Отто Гротгузена¹⁵.

Многими важными делами в Копорье заправлял городской подьячий Тарасий Иванов, который взял у местного воеводы Ондрея Юлсовича продукты для себя в качестве месячного корма на 1616 г. Из продуктов, которые получил Тарасий Иванов, упоминается рожь, солод, хмель, масло, мясо, сельдь, лоховина, угорь⁶.

Из жителей Копорья известен копорский ямщик Иван Григорьев, который вместе с другими ямщиками платил прогонные деньги ивангородскому приказчику Пантелею Васильеву в связи с тем, что ивангородские крестьяне проехали с подводами мимо Копорья¹⁷.

Постараемся на основании двух документов, которые разделяют всего три года, представить состояние одного из погостов Копорского уезда. Этот Дягиленский погост находился в районе современной Гатчины, в радиусе до 20 км западнее и севернее от этого города, в верховье реки Ижора. Многие населенные пункты, упомянутые в описаниях, сохранились под своим названием до настоящего времени. Это Тяглино (Дяглино), Колпаны (Колпеницы), Скворицы, Пудость, Тайцы (Стаиши), Гатчина (Хочино, Хотчино) и др.

Большинство исследователей вынуждены были сравнивать несколько описаний одного региона, которые разделял по времени значительный промежуток (например, описание 1580-х и 1640-х годов). В результате сравнения сведений о состоянии города или уезда в указанные годы делались, к примеру, выводы о том, что собой представляла

¹³ Память сыну боярскому Семену Обравову; Память детям боярским Василью да Григорью Хорошевым // Kammararkivet. Baltiska fogderakenskaper. F. 421. Bunt 9.

Память Копорским кабацким целовальником Михалки Мартемьянову да Обрамьку Годдобину с товарищи // Kammararkivet. Baltiska fogderakenskaper. F. 421. Bunt 9.

¹⁵ Видекинд Ю. История десятилетней шведско-московитской войны. С. 452.

¹⁶ Память копорскому городовому подьячему Тарасью Иванову // Kammararkivet. Baltiska fogderakenskaper. F. 421. Bunt 9.

¹⁷ Память копорскому ямщику Ивану Григорьеву сыну с товарищи: Bengt Halsolls Rakenskap for Ivangorod. 1618-1619 // Kammararkivet. Baltiska fogderakenskaper. F. 415. Nr. 13.

данная территория в период Смутного времени (хотя с момента описания прошло почти четверть века и многое могло поменяться). Исследователи также делали определенные выводы о запустении данных территорий либо о росте экономики. В действительности это развитие происходило волнами, были периоды подъема и упадка.

В нашем случае интервал в три года (1612-1615) позволяет достаточно точно проследить динамику развития некоторых погостов Копорского уезда. В первую очередь нас будут интересовать местные помещики: кто из них остался служить новгородско-шведскому правительству, а кто перешел на службу москвичам. Не лишены интереса сведения о местных храмах и их священниках, чьи имена приводятся в описаниях.

Размеры пожалований помещикам нас интересуют меньше, хотя этот показатель тоже играет важную роль. Сведения о том, какие именно деревни получил дополнительно (или владел ими ранее) тот или иной помещик, какой имел поместный оклад и какие были практические дачи, интересны вдвойне. Во-первых, новые дачи косвенно свидетельствуют о верной службе помещика, являются в ряде случаев как бы наградой за усердную службу. Во-вторых, даже сами названия поместий представляют определенный интерес, ведь многие из населенных пунктов Копорского уезда сохранились под своим названием до настоящего времени, а современное население этих сел и деревень понятия не имеет об их прежних хозяевах.

Историю района Гатчины обычно изучают, начиная с присоединения шведской Ингерманландии к России в результате Северной войны, т. е. с эпохи Петра I. Попробуем углубить наши представления о жителех данной местности еще на сто лет.

Сначала рассмотрим документы, связанные с описанием Дягиленского погоста в июле 1612 г. после присоединения Копорья к шведско-новгородскому альянсу. Судя по документам, описание Дягиленского погоста Копорского уезда представителями новгородской администрации было завершено уже к 8 июля 1612 г., через три недели после капитуляции Копорья. Дозор погостов Копорского уезда был поручен Ивану Семеновичу Мельницкому, Федору Никитичу Неклюдову и подьячему Матвею Помещикову, которым помогали местные священники (их имена известны) и старосты погостов. Состояние погостов было удручающим¹⁸.

Дяглинский (Дягиленской) погост был самым густонаселенным к началу Смутного времени. Дозор погоста летом 1612 г. проводили *«Пречистенской священник Дмитрий Прокофьев да Успенской священник села Стаиц Иван Клементьев да Николской священник села Сквориц Тимофей Семенов Дягиленского погоста да Кипенского погоста староста»*.

¹⁸ Дозорная книга Полужской половины Водской пятины дозору Ивана Семеновича Мельницкого, Федора Никитича Неклюдова и подьячего Матвея Помещикова. 1612. 8.07 //RA, NOA. Serie 1: 16. С. 1-70.

В Дягиленском погосте имели свои дворы свыше 25 помещиков. Однако в 1612 г. большинство дворов отмечено как пустые и разоренные. Помещики этого погоста имели свои дворы в общих селах Стаищи и Скворицы, а также в деревнях Парицы, Ляпы, Хочино, Колпеницы и Порсково. На погосте *«на Дягилне»* находился храм *«деревяное Рождество Пречистой Богородицы, церковные земли обжа пуста, поп Дмитрий Прокофьев да двор пуст дьячков да два места дворовых крылоских»*. В селе в Стаищах *«храм Успенье Пречистые Богородицы, церковные земли нет, поп Иван Клементьев, пономарь Захарка Филипов да два дворцы пусты дьячков и прокурнин»*. В селе Скворицах находился *«храм Никола Чюдотворец, церковные земли три обжы пуста; поп Тимофей Семенов да два двора крыласких пусты да место дворовое крылаское»*.

Из помещиков этого погоста на тот момент (лето 1612 г.) известны Никон Бутурлин, Яков Одогуров, Офонасий и Петр Нееловы, Семен Линеv, Давыд Апрельев, Никита Ожогин, Иван Резанов, Василий Тыртов, Тихон Бестужев, Дмитрий Мартьянов, Дмитрий Тырков, Иван Суслов, Алексей Чуркин, Иван Рагозин, Яков Мешерский, Иван Сукин, Казарин Воронин, Матвей Зиновьев, Василий Назимов, Феоктист и Григорий Муравьевы, Афанасий Пушин, Яков Колокольцев, Михаил и Данила Клементьевы, Спиридон Сеитов. Также здесь указаны две вдовы (Матвеев Ожогина и Никиты Пушина) и дочери двух помещиков (Ивана Мордвинова и Захара Семичева)¹⁹.

Новгородские власти установили контроль за Дягиленским погостом Копорского уезда еще до весны 1612 г., хотя сама крепость Копорье в то время еще оставалась в руках сторонников самозванца Сидорки (Лжедмитрия III). Известно, что 14 марта 1612 г. недельщик Семен Гулидов отделял в Дягиленском погосте поместье Василия Зиновьева Афанасию Степановичу Пушину²⁰. В деревне Вороновичи находился двор боярский Василия Зиновьева. Сам Василий Зиновьев погиб еще в 1610/1611 г. Сохранилась запись, что у вдовы Василия Зиновьева Настасьи *«мужа не стало в 119 г. в осаде в Копорье»*, а она осталась с двумя малолетними детьми, Остафием и Парфением. Трудно сказать, на чьей стороне воевал Василий Зиновьев, от кого он оборонял Копорье или с кем пытался осадить эту крепость. В октябре 1612 г. вдова Настасья Зиновьева получила прожиточное поместье. Это поместье отделял неслуживый Постник Губачевский и священник Иван Клементьев, а отдельные книги писал земский дьячок соседнего Дудоровского погоста Захаро Романов²¹.

¹⁹ Дозорная книга Полужской половины... 1612//RA,NOA. Serie 1: 16.C.41-53.

²⁰ Отдел Семеном Гулидовым поместья Василия Матвеева сына Зиновьева в Дягиленском и Вздылицком погостах Водской пятины Афанасию Степанову сыну Пушину. 1612. 14.03 // RA, NOA. Serie 1: 62. С. 245-249.

²¹ Отдел неслуживым Постником Губачевским прожиточного поместья вдове Настасье, жене Василия Зиновьева с детьми из мужнина поместья в Дягиленском погосте Водской пятины. 1612. 16.10 //RA, NOA. Serie 1: 69. С. 197-202.

В мае 1612 г. Василий Борисов сын Назимов получил в Дягиленском погосте поместье Варвары, жены Данилы Корина. К тому времени Василий Назимов вообще не имел поместий. Этот отдел также производил Постник Губачевский, а книги писал дьячок Захар Романов. Следует отметить, что в качестве понятого выступал тот же священник Иван Клементьев, который почему-то записан как «*выставочный священник Никольского Стаискаго*» храма (село Стаищи), хотя согласно описанию Дягиленского погоста в селе Стаищи находился не Никольский, а Успенский храм, Иван Клементьев действительно служил в этом селе Стаищи, но не в Никольском, а в Успенском храме. Что касается Никольского храма, то он находился не в селе Стаищи, а в соседнем селе Скворицы (но там был свой поп Тимофей Семенов)².

Дмитрий Иванович Тырков получил 8 мая 1612 г. часть прожиточного поместья Федора Крекшина в деревне Колпеницы²³.

В Дягиленском погосте в Городецке находился Покровский монастырь, дьячком которого был Иванко Федоров. Именно этот дьячок писал многие отдельные книги Дягиленского и соседнего Кипенского погостов в августе-ноябре 1612 г.²⁴

А теперь рассмотрим состояние Дягиленского погоста Копорского уезда в 1615 г. и сравним эти два описания. Через три года, в августе 1615 г. по новому дозору Копорского уезда, который осуществляли Иван Боранов, Михаил Неелов и подьячий Семейка Шустов, положение в погосте выглядело следующим образом²⁵.

Прежде всего, значительно изменился состав помещиков. Многие из них перешли на сторону нового московского правительства Михаила Романова, бежали в Псков и в Тихвин. К сожалению, не сохранились различные описные книги изменнических поместий Копорского уезда за этот промежуток времени. Информацию об изменниках, перешедших на сторону Москвы, приходится собирать по крупицам из других источников, в том числе из документов этого периода, исходящих от правительства Михаила Романова, ведь некоторые из наших героев отличились на службе у нового московского царя, были занесены в списки четвертчиков и получали жалование в одной из четвертей.

Отдел неслуживым Постником Губачевским поместья Варвары, жены Данилы Корина в Дягиленском погосте Водской пятины Василию Борисову сыну Назимову. 1612. 21.05 // RA, NO A. Serie 1: 69. С. 429^33.

Отдел Семеном Гулидовым прожиточного поместья Федора Матвеева сына Крекшина в Дягиленском погосте Водской пятины Дмитрию Иванову сыну Тыркову. 1612. 8.05 // RA, NOA. Serie 1: 62. С. 425^31.

Отдел Семеном Гулидовым поместья Афанасия Бсюкова в Кипенском погосте... Федору Афанасьеву сыну Одинцову... 1612. 15.08 // RA, NOA. Serie 1: 62. С. 323-333; Отдел Семеном Гулидовым поместья Андрея Серкова в Кипенском погосте Водской пятины Шестаку Васильеву сыну Малышеву. 1612. 22.11 // RA, NOA. Serie 1: 69. С. 77-81.

²⁵ Дозорные книги Полужской половины Водской пятины дозору Ивана Боранова, Михаила Неелова и подьячего Семейки Шустова. 1615. 8.08 // RA, NOA. Serie 1: 6. Л. 106-159.

Некоторую помощь в определении имен этих помещиков могут оказать документы Новгородского архива по другим уездам. Дело в том, что многие помещики Копорского уезда владели также поместьями в других уездах. Если не брать в расчет, что могут попасться полные тезки и однофамильцы (а такое тоже случается), то можно быть уверенным, что изменник, чье поместье конфисковано в каком-нибудь Будковском, Сабельском, Городенском и других погостах, это одновременно изменник-помещик Копорского уезда. Среди таких документов можно упомянуть ужинные и умолотные книги, расходные, замолотные книги отписного хлеба и др. Важную роль играют многочисленные дела по челобитью о поместьях, принадлежавших ранее изменникам.

В Дягиленском погосте в 1615 г. наблюдается запустение храмов. Это отмечал Пречистенской поп Дягиленского погоста Дмитриеище Прокофьев, который помогал проводить дозор Михаилу Неелову. Если в селе Стаищи особых изменений не было (в Успенском храме службы продолжали те же поп Иван Клементьев и пономарь Захарий Филиппов), то про село Вскорицы (Скворицы) сказано, что *«в нем храм Никола Чюдотворец разорен, стоит без пения, церковной земли три обжа, 2 двора пусты»*.

Из прежних помещиков Дягиленского погоста указаны Микита Ожогин, Василий и Дмитрий Тырковы, Иван Суслов, Алексей Чуркин, Феклист Муравьев, Афанасий Пушин, Петр Неелов, Данила Клементьев, Тихон Бестужев. Осталось прежнее поместье у дочери Захара Семичева²⁶.

Бывшие поместья Никона Бутурлина и Афанасия Неелова в деревне Парицы получил Никита Зиновьев, который в свое время был одним из приближенных Лжедмитрия III *«Микита у него у вора дворянин ближней»*). Про Никона Федоровича Бутурлина можно сказать, что он перешел на сторону Москвы, оставив в Новгороде свою семью. В мае 1615 г. московский посол на переговорах об обмене пленными С. Г. Коробьин просил обменять жену и детей Никона Бутурлина на захваченных в плен шведов: *«Никанова жена Бутурлина Стефанида, а детей у нее сын Василей да дочь Огрофена, малы, а людей у нее человек Петрушка да жонка да девка»*²⁷.

Афанасий Васильевич Неелов, который в 1612 г. владел также поместьями в Прибужском погосте возле Гдова и в Будковском погосте в верховье р. Оредеж, в конце 1612 г. умер, а его сын Василий уже не владел таким удаленным поместьем в Дягиленском погосте²⁸.

Поместья Давыда Апрелева (Ляпы) и Ивана Сукина (Пудость) уже в апреле 1614 г. получил Богдан Тырков. Иван Сукин к тому времени перешел на московскую сторону, после восстания в Тихвинском мона-

²⁶ Дозорные книги Полужской половины... 1615. 8.08//RA, NOA. Serie 1: 6. Л. 121-136.

²⁷ Список с полоняничные росписи руским людем... 1615, май // РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 3. Л. 101-106.

²⁸ Селин А. А. Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008. С. 66.

стыре он «отъехал на Тифину». Богдан Тырков сначала в конце 1613 г. получил поместье Давыда Апрелева (190 ч.)²⁹. О судьбе самого Давыда Апрелева сведений пока не обнаружено.

В связи с тем, что местные крестьяне не хотели подчиняться Богдану Тыркову, новгородским властям пришлось в апреле 1614 г. вызвать для их усмирения отряд Степана Тимашева из острога в Заречье. В своей челобитной на имя Карла Филиппа Богдан Тырков писал: «...вели, государь, дати грамоту в Заречье к Степану Тимашеву, чтоб он тех крестьян переимал и четвертные пошлыны доправя на них, прислал в Новгород в твою государеву казну, и тех крестьян прислал в Новгород к твоим государевым бояром и в их непослушании учини мне с ними свой государев указ»³⁰.

В деревне Хотчине получили дополнительные поместья, принадлежавшие ранее Дмитрию Мартьянову и дочерям Ивана Мордвинова, уже упоминавшийся ранее Тихон Бестужев, а также Федор Бестужев. Получил поместье в селе Скворицы Пятой Воронин, бывший приближенный Лжедмитрия Ш, перешедший на службу в Новгород после падения своего царька.

Из новых помещиков можно отметить Петра Хомутова, Якова Хорошева и литвина Ивана Федорова. Первый получил поместье вдовы Никиты Пушина, второй - вдовы Матвея Ожогина, а третий - помещика Спиридона Сеитова (Опсеитова), «что дано было на прожиток жене Спиридонове вдове Матрене с дочерью на 195 ч.»³¹. Эта запись датруется январем 1615 г. и может свидетельствовать, что к этому времени Спиридон Опсеитов уже умер. Что касается вдовы Матвея Ожогина, Аксиньи, которая вместе с дочерью Татьяной еще в 1612 г. имела прожиточное поместье, то по их «излюбленной челобитной» часть поместья Матвея Ожогина в Дягиленском и Орлинском погостах получил Третьяк Суетин Назимов. Однако Третьяка Назимова мы не видим среди помещиков в 1615 г., а поместьем вдовы Аксиньи в это время уже владел Яков Хорошев³². Эти отдельные книги писал сам Пречистенский поп Дягиленского погоста Дмитрий Прокофьев в связи с отъездом дьячка.

Поместья Ивана Резанова и князя Якова Мещерского, которые, по-видимому, умерли, получили их близкие родственники - сын Ивана Резанова и вдова Якова Мещерского.

²⁹ Дело по челобитью Богдана Тыркова о поместье Ивана Сукина. 1614, март апрель // RA, NOA. Serie 2: 90. Л. 1-9.

Дело по челобитью Богдана Тыркова о поместье Ивана Сукина. 1614, март апрель // RA, NOA. Serie 2: 90. Л. 8.

³¹ Записка пошлинным деньгам с поместных дел 123 году, и тем, которые по боярскому приказу пошлыны отдаваны. 1614/15 // RA, NOA Serie 1: 44. Л. 89.

³² Отдел губным старостой Михаилом Зиновьевым прожиточного поместья вдове Матвея Ожогина Аксинье и ее дочери девке Татьяне мужнина поместья в Дягиленском и Орлинском погостах Водской пятины и части этого поместья Третьяку Суетину сыну Назимову. 1613. 2.02//RA, NO A. Serie 1: 69. С. 309-311.

Поместья Якова Ододурова, Семена Линева, Казарина Воронина, Ивана Корина, Матвея Зиновьева, Василия Назимова, Михаила Клементьева и Якова Колокольцева были отписаны на государя. Некоторые из этих поместий за эти три года успели поменять нескольких хозяев. В октябре 1613 г. поместье Якова Колокольцева (110 ч.) получил Олферий Северов, про которого сказано, что его старым поместьем владеют «Тифинские воры». После майского 1613 г. восстания в Тихвине значительная часть поместий в Обонежской пятине вплоть до реки Волхов оказалась под контролем москвичей, защитников Тихвина («тихвинских сидельцев»), поэтому сторонники шведско-новгородского правительства стремились получить поместья в более безопасном месте.

Казарин Воронин уже осенью 1612 г., по-видимому, умер. В октябре 1612 г. его вдова Дарья с дочерью получили часть поместья мужа (в других погостах), а часть поместья досталось Семену Яковлеву Линеву, которого мы тоже не видим в 1615 г. Поместье Семена Линева уже в марте 1614 г. было отдано П. И. Обольнянину. Другое поместье Семена Линева в деревне Парицы сначала передали Василию Колобову, а в апреле 1614 г. оно было отдано на оброк Миките Матвееву Зиновьеву. Сам Василий Колобов к тому времени «отъехал в Псков». Василий Ефимов Колобов упоминается в числе тех 22 помещиков Водской пятины, которым весной 1615 г. из Москвы было отправлено жалование (его привез в Псков Богдан Самарин)³³. В июне 1615 г. поместье Василия Колобова было передано Григорию Хомутову³⁴.

Дальнейшая судьба этих людей, которые до самого окончания боевых действий (1617) продолжали служить шведам, сложилась по-разному. По условиям Столбовского мира в каждый город отправлялись специальные комиссары, которые в центре уезда, в данном случае в Копорье на площади, зачитывали перед всеми жителями текст мирного договора. Этими комиссарами были представитель английского посла Джона Меррика, который был посредником на переговорах, и шведский представитель. Известно, что у Джона Меррика были помощники, которые выполняли его отдельные поручения, доставляли письма и находились при шведских комиссарах. Это Цейгер, Роберт Фригс, Томас Томкинс, Ричард Харди, Роберт Мэриотт. Возможно, собрание жителей в Копорье проходило также в присутствии представителя с московской стороны, отправленного послом князем Данилой Ивановичем Мезецким.

Точная дата, когда происходило это событие, неизвестна, но следует учесть расстояние от Столбово через Ладогу и Орешек до Копорья по дороге в начале марта. Скорее всего, это собрание было проведено ближе к середине марта 1617 г. Общее руководство и контроль осуще-

Приходно-расходные книги московских приказов. Кн. 1: Приходно-расходная книга Разряда 123 г. // РИБ. М., 1912. Т. 28. Стб. 331.

³⁴ Дело по челобитью о поместье Федора Мисюрева Бестужева, Григорья Петрова Хомутова, Ивана и Михаила Александровых Сусловых. 1615, май-июнь // RA, NOA. Serie2: 113. Л. 7-10.

ствлял воевода Копорья Андерс Йорансон («Ондрей Юлсович»), который либо накануне на совещании у Карла Гюлленельма получил специальные инструкции, либо после завершения этого процесса (отъезда местных помещиков с семьями и прислугой к москвичам в Новгород) отчитался перед главнокомандующим о состоянии дел во вверенной ему крепости.

После собрания все помещики Копорского уезда и жители крепости Копорье должны были в течение двух недель сделать тяжелый выбор, определявший их дальнейшую судьбу: либо бросить все нажитое (что можно, увезти с собой) и уехать на московскую сторону в Великий Новгород, либо присягнуть шведскому королю, стать подданным шведской короны и остаться в своем родном поместье. Далее составлялись списки уезжавших, уточнялось их имущество, которое они могли взять с собой, и списки тех, кто решил остаться.

По-видимому, этот официальный переход на московскую сторону жителей Копорья завершился лишь в конце марта - начале апреля 1617 г. Тезис С. М. Соловьева о том, что люди из Копорья и других малых городов (Ивангород, Ям, Орешек) могли выходить в Россию в течение 14 дней со дня *утверждения* этого договора в Столбово, т. е. с 27 февраля до 13 марта 1617 г., является ошибочным³⁵.

Это был трудный выбор, ведь среди отъезжающих было много тех, кто в предшествующий период воевал против войск Михаила Романова, а грамота царя о всепрощении всем новгородцам, служившим шведам, еще не дошла до удаленных городов. Ее зачитал торжественно князь Данила Мезецкий в марте 1617 г. в Великом Новгороде. К тому же шведская администрация стремилась удержать у себя в Копорском уезде помещиков, пугая их карами со стороны царя и, наоборот, прельщая льготами со стороны короля Густава Адольфа. Число таких помещиков, кто остался служить шведам, было не очень велико, имена многих из них известны. Это представители следующих фамилий: Аминева, Опалевы, Чеботаевы, Клементьевы, Калитины, Хомутовы, Хорошевы, Абрамовы, Тыртовы, один из Бутурлиных, возможно, Зиновьевы. Хорошо известен Мурат Пересветов, один из потомков которого в наши дни является шведским историком-славистом, он часто посещает Россию, публикует здесь свои труды.

На крестьян, старост и местных священников это правило отъезда не распространялось, они должны были оставаться на месте, отъезд на московскую сторону им был запрещен (монахи могли уезжать, а белое духовенство - нет). Более сложный вопрос касался прислуги, холопов, но он решался в текущем порядке. Возможно, многие сразу захотели записаться в состав прислуги тех помещиков, которые приняли решение вернуться в Новгород. В дальнейшем многие крестьяне при попустительстве местных старост будут бежать на территорию России. Шведская сторона на переговорах по различным пограничным вопро-

См.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен // Сочинения: в 18 кн. Кн. 5, т. 9. М., 1995. С. 91.

сам будет постоянно поднимать этот вопрос о возвращении перебежчиков. Договор между Россией и Швецией 1649 г. о перебежчиках - это уступка с русской стороны, которая вынуждена была заплатить крупную сумму денег, чтобы не возвращать беглецов.

После заключения этого договора 1649 г. бегства крестьян продолжались. Необходимость защиты русского и карельского населения в Ижорской земле можно считать одной из причин очередной русско-шведской войны 1656-1658 гг.

Копорье окончательно вошло в состав России, теперь уже навсегда, в мае 1703 г. во времена Северной войны, когда русские пушкари фельдмаршала Б. П. Шереметева после пятидневного обстрела крепости вынудили защитников капитулировать.